

ный по соседству с парком Сан-Суси. В Потсдаме при поддержке земли Бранденбург и Общества поощрения новых научных исследований (Förderungsgesellschaft Wissenschaftliche Neuvorhaben) были изысканы дополнительные возможности для укрепления Центра, а в его штат приняты молодые талантливые сотрудники, выходцы из западногерманских земель. Тем самым Центр получил новый импульс своей деятельности в городе, историко-культурное своеобразие которого столь многим обязано эпохе Просвещения.

Хотя Просвещение всегда привлекало внимание современной немецкой мысли (вспомним хотя бы дискуссию, развернувшуюся в конце 1940-х—начале 1950-х гг. вокруг «Диалектики Просвещения» Адорно и Хоркхаймера), Центр оказался единственным в Германии научно-исследовательским институтом, вся деятельность которого посвящена изучению этой эпохи. Еще в 1954 г. Вернер Краус организовал в АН ГДР рабочую группу по истории немецкого и французского Просвещения, но потенциал его школы может, вероятно, раскрыться только теперь.

Первоначально Центр насчитывал четырнадцать научных сотрудников, десять из которых пришли в него из ликвидированных институтов АН ГДР, а четверо — из научных центров Западной Германии. Их деятельность направляется Ученым советом, состоящим из шести работающих вне Центра профессоров с европейской репутацией. Это Рудольф Фирхауз (Гёттинген), Ханс Фридрих Фульда (Гейдельберг), Курт Новак (Лейпциг), Райнер Шпехт (Мангейм), Вильгельм Фоскамп (Кельн), Ханс Георг Вернер (Галле и Пиза). Таким образом, окончание «холодной войны» и воссоединение Германии позволили коллегам с Востока и Запада приступить к совместному осмыслению их общего культурного наследия в рамках одного исследовательского Центра по изучению европейского Просвещения. Осуществление этого нового единства на практике представляется не только уникальной особенностью этого института, но и одной из сверхзадач самого его существования.

Как мы уже говорили, становление Центра проходило в драматических условиях ликвидации АН ГДР. Это событие стало не только научно-организационным, но и политическим актом. В результате без работы оказались не только сотни агентов Штази, но и тысячи научных сотрудников. Коллеги, сохранившие возможность заниматься наукой в новых структурах (называются цифры от 4 до 7 процентов), могли бы считать себя счастливыми, однако и они оказались охваченными ностальгией по прежним временам. Ностальгия эта представляется нам вполне закономер-